

Пленка номер десять

И какого лешего он сунулся к Кравцову на открытие? Надо было на сердце сослаться или еще на что-нибудь нездоровое. А вчера - ну коне-е-ечно! - сразу понеслось: «Что ты?» да «Как ты?», «Когда персоналка?»

Проскурин окинул взглядом двадцатиметровую конуру, заставленную стеллажами с серыми от пыли коробами. Какая, к лешему, персоналка, кому это нужно? Выбросить всё к едрене Фене. Жизнь позади, шестьдесят второй на носу, ни семьи, ни имени. Фотограф-неудачник.

А ведь в институте будущее прочили – не чета кравцовскому: не про деньги - про искусство. А теперь утренняя в детсадах и где он, а где Кравцов.

Проскурин пнул ближнюю коробку – в пробивающемся через узкое оконце свете закружила пыль. Крышка съехала. Внутри грудой были свалены старые дипломы, потёртые цейсовские объективы, давно просроченные неиспользованные кассеты. Надо все это выгрести к чертовой матери и что-то менять кардинально.

В эту крохотную мастерскую на Тверском, которая ему полагалась от Союза, Проскурин перебрался лет тридцать назад, когда ушел от жены. Не сложилось у них, не сошлись характерами. А красивая, стерва, была. Мог бы тогда разменяться, взять однокомнатную на окраине, но не стал. Пусть себе живет в их трешке в Черемушках. А он любил центр: тут атмосфера. В те годы атмосфера ему была еще нужна.

С тех пор всё как-то само собой медленно, но упрямо катилось у Проскурина по наклонной. Слишком много пил, слишком мало закусывал, слишком часто заваливал творческие заказы. Не заметил, как из художника с личным, проскуринским, почерком превратился в простого снималу. Борода, хмурый взгляд, одышка, желтые мешки под глазами. «Смотрим в объектив, не двигаемся. Следующий!»

На всякий случай он еще разок порылся в коробке – ничего дельного. Когда-то оставлял на потом, вдруг пригодится. Ну вот, не пригодилось, так что «прощай, от всех вокзалов поезда уходят в дальние края!» Коробка с бряцанием отправилась в угол, на выброс.

Он вытащил из старенького холодильника початую бутылку каберне, опрокинул в себя. Вино растеклось по жилам, стало веселее. Проскурин довольно крякнул и оглядел хозяйским взглядом захлавленную мастерскую. Да-а-а, пора что-то менять, пора. Хотя бы работы по углам развесить – для стимула, мало ли.

Давно назревшие перемены он начал с очевидного – отдраил затоптанный и залитый реактивами пол. В его мастерской пола было мало, и это давало общему предприятию неплохие шансы на успех. Затем, впервые лет за десять, до капустного скрипа оттер единственное в конуре окно. Спина заныла, но света стало больше, явственно запахло чистотой, и он приободрился. Оставалось самое сложное – разобрать архивы и выкинуть на помойку ненужное.

Архивов было много, коробок сорок или пятьдесят. И это только в обозримой части. Они были рассованы повсюду – подписанные, что сейчас существенно упрощало Проскуруину жизнь, и нет: с какого-то момента он перестал себя утруждать подобными делами и просто сваливал в них все подряд.

К вечеру груда «на выброс» выросла в человеческий рост, а на стеллажах появились первые намеки на порядок. Проскурин с грехом пополам взобрался на дубовый стол и дотянулся до стопок оформленных в рамы работ. Осторожно, стараясь не разнести по только что вымытой комнате пыль, он стащил их вниз и тщательно протер. Нет, не зря его так ценили в свое время – работы были что надо. Неожиданно снова захотелось снимать, выставляться и вообще жить нормальной творческой жизнью. Вот она, целебная сила веника и тряпки!

В дальнем углу под столом среди прочего хлама он обнаружил полупустую коробку с какими-то непроявленными пленками. На девяти кассетах его почерком были проставлены даты - со студенческих времен и по текущий год, - а еще одна, десятая, осталась без подписи. Проскурин озадаченно повертел их в руках: хоть убей, но он не помнил, чтобы вот так что-то пронумеровывал, тем более недавно. Да и, судя по слою пыли, эту коробку из-под стола уже лет пять никто не вытаскивал. Он прикинул, что вряд ли на них может быть что-то стоящее – стоящее он все-таки проявлял сразу - и бросил кассеты в кучу с остальным хламом.

В этот момент форточка над столом распахнулась и со звоном ударилась о стеллаж. Мелкие осколки посыпались прямо на Проскуруина, ветер сдунул на пол лежащие на столе фотографии.

- Да твою ж за ногу! – выругался он и полез на стул.

Рамы были двойными, разбилась только внутренняя створка. Он плотней прикрыл внешнюю, подмел осколки и вдруг снова бросил хмурый взгляд на кучу хлама в углу, где теперь валялись странные фотокассеты. Надо все-таки посмотреть, что там, мало ли.

Первой он проявил самую раннюю по дате – это был третий курс института. Тогда он еще только начинал серьезно заниматься фотографией, часто мотался по небольшим городкам, снимал все подряд и лез из шкуры вон, чтобы дотянуться до Брессона. Наверняка это была одна из тех его поездок.

Но на пленке оказались обычные студенческие посиделки. Проскурин хмыкнул: эти физиономии он не видел лет сто, не меньше. Да-а-а, иных уж нет, а те далече... Это явно был чей-то день рождения. Кого-то он узнал с трудом, кого-то вообще не вспомнил. А вот Кравцов считался сразу – тот же самодовольный взгляд, расправленные плечи. Такой далеко пойдет. Да и пошел, чего уж там.

На одной из фотографий он обнаружил себя, видимо доверил кому-то снять: совсем пацан, без бороды и очков. Вполне бодрый еще: жизнь впереди, слава и успех в кармане. Он усмехнулся и развесил влажные отпечатки сушиться.

На пленке номер два снова оказалась их компания. Судя по дате, это было через пять лет после первой. Он попытался вспомнить, что происходило в тот год, но ничего примечательного в голову не шло. Помнил только, что снимал на старенькую отцовскую «Смену», своего аппарата еще не было. Зато уже успел поучаствовать в нескольких выставках и был замечен кое-кем из знающих в фотоделе толк.

На этой кассете ничего ценного не нашлось, некоторые фотографии оказались смазанными и небрежно скомпонованными – видимо, снимал кто-то другой. На одной он с удивлением увидел себя вдвоем с Юлькой Сиротиной. Эта темноволосая девчонка с вечно смеющимися карими глазами очень нравилась ему, Проскурин ухаживал за ней тогда, но ничего толкового из этого не вышло. А жаль. Может, всё и сложилось бы по-другому, и не жил бы он сейчас в этой конуре бобылем, снимая по праздникам утренники в садах.

Сдвинув на нос очки, он взгляделся в фотографию – странно, он не мог припомнить, чтобы они с Юлькой когда-то снимались вдвоем. Хотя столько лет прошло, и не такое забудешь. Он отложил снимок в сторону, на память - и взглянул на часы. Время перевалило за одиннадцать. Днем намечалась выездная съемка, надо было еще подготовиться, поэтому Проскурин решил закруглиться и проявить остальное завтра.

В чисто вымытой комнате спалось шикарно. Так сладко он не спал уже давно. Еще пару дней назад масштаб завалов казался фатальным, проще было сжечь все к чертовой матери вместе с мастерской. А сейчас он был горд собой. Даже полуразбитая форточка, из которой теперь ощутимо тянуло, ничуть не мешала Проскурину получать удовольствие от совершенного подвига.

Утром он подскочил раньше обычного. Как всегда, включил погромче радио, которое заменяло ему весь остальной информационный шум, и состряпал себе нехитрый завтрак. Настроение было отличным. Судя по всему, непробиваемый проскуринский лед, годами копившийся внутри, наконец треснул и сдвинулся с насиженного места!

Дожевывая внушительный бутерброд – малых он не жаловал, - Проскурин вспомнил про вчерашние загадочные пленки. До выезда еще оставалась пара часов, и от нечего делать он решил проявить следующую кассету.

По дате это был год его свадьбы с Ириной. Он ожидал увидеть их совместную поездку в Крым или что-то в этом духе – в тот год он снимал её как заведенный, - но когда вынул мокрую еще пленку из бачка и посмотрел на просвет, озадаченно крикнул: там была свадьба, но не его. С чего вдруг чужая кассета оказалась среди тех десяти, пронумерованных его собственной рукой? Свадьбы он не снимал вообще, тем более в те годы. К тому же пакость заключалась в том, что Проскурин был почти уже уверен, что не подписывал эти пленки. В датах была своя логика, он бы такое не забыл. Но этот размашистый, плохо разборчивый почерк перепутать было сложно – нет сомнений, почерк был его. Мистики всему добавляло их непонятное появление в коробке, которую никто не доставал из-под завалов лет пять или десять, хотя последняя кассета была помечена текущим годом.

Неприятный холодок пробежал по спине, Проскурин наскоро просушил пленку и засел за печать.

То, что он увидел при тусклом свете красного фонаря там, в проявочной, повергло его в шок. Он скрючился над лотками с реактивами, то судорожно сдергивая очки и поднося мокрые отпечатки к носу, то снова надевая и оторопело рассматривая снимки издали.

На пленке номер три оказалось то, чего никогда, ни при каких обстоятельствах произойти не могло. Там была его свадьба. Но не с Ириной. А с кареглазой Юлькой Сиротиной. А ведь они даже ни разу не целовались! Получил тогда Проскурин решительный от ворот поворот.

Свидетелем на фотографиях, как и на реальной свадьбе, был Пашка Горяинов, его закадычный друг. И ведь уже не спросишь у него, не окончательно ли сбрендил Проскурин на почве своего каберне, - нет давно того Пашки, лет семь как помер.

Споткнувшись о порог, Проскурин выскочил из проявочной. Еще оставалась призрачная надежда, что это был чей-то искусный, переснятый на вторую пленку фотомонтаж. Лет тридцать назад таким образом делались журнальные коллажи. Он взгляделся в снимки на свету, у окна – съемка была настоящей, профессиональный глаз эти вещи считывал на раз-два.

Заверещал телефон.

- Михаил Петрович, вы где?! – застрекотал в трубке раздраженный женский голос. - Мы уже полчаса вас ждем!

Проскурин нервно ругнулся: съемка! С этой пленкой всё остальное повылетало к чертям. Он схватил приготовленную с вечера аппаратуру, наспех накиннул куртку и выскочил на улицу, не обращая внимания на морозящий дождь.

Весь день Проскурин был сам не свой, на вопросы отвечал невпопад, головой своей находясь в иных пространствах. Работа не шла. В результате разругался с заказчиком, и съемку вообще отменили.

По дороге домой в подземный муравейник Проскурин спускаться не стал, решил пройтись по бульварам пешком, и это помогло. К вечеру он уже смог взять себя в руки и свыкнуться с тем, что хочет он того или нет, а мистика в жизни имеет место быть. Ну и пусть будет, что ему с того в конце концов?

Дома пересмотрел фотографии - однозначно реальная съемка, такие детали подделать невозможно. Словно охотничьи патроны, он выставил в ряд оставшиеся кассеты и тупо уставился перед собой. Что в них? Кто вдруг решил устроить охоту на его никчёмную, почти прошедшую уже жизнь фотографа-неудачника, и зачем?

Собираясь с духом, Проскурин еще немного походил взад-вперед по крохотной конуре, потом сгрёб кассеты со стола и закрылся в проявочной.

Вся четвертая пленка была посвящена рождению их с Юлькой ребенка, которого в жизни не было и быть не могло. Он смотрел на светящуюся счастьем физиономию юного папаши и то и дело сглатывал слюну, чтобы не дать волю подкатившему к горлу кому. Да. В глубине души он мечтал о таком, хотя и боялся признаться в этом себе. Пеленки, первые неловкие шажки, игры, дача на выходных – всё предельно банально и обыденно. Всё, чего он так и не увидел за свои пустопорожние шесть десятков.

Он проявлял пленки одну за другой, шаг за шагом открывая картину своей несостоявшейся жизни. В этом перфорированном мире в 24 квадратика всё было иначе: радость, дети, просторная квартира. Хотя время неумолимо шло и там, в этой несуществующей реальности, где они тоже не молодели, но Юлька с годами по-прежнему оставалась обаятельной и красивой, да и сам он выглядел отлично: подтянутый, с энергичным взглядом вполне успешного человека. Ни дать ни взять – Кравцов собственной персоной. Проскурин оторвался от пленок и бросил взгляд в треугольный осколок зеркала, пристроенного на гвоздь в углу проявочной. Из красного полумрака на него одним глазом смотрела часть одутловатой физиономии потерянного, нездорового человека. Контраст был налицо. Кто из этих двоих реален? Кто имеет право на вдох?!

Несложившаяся жизнь Проскурина свисала с натянутой для сушки бечевки восьмью прозрачными перфорированными лентами. Все его несовершенные дела и неизведанные радости.

Он повертел в руках девятую кассету. Сердце заколотилось быстрее – она была датирована текущим годом. Он погрузил пленку в бачок и с нетерпением принялся ждать. На кассете оказалась персональная проскуринская выставка. Манеж на Моховой, столпотворение любопытной публики, глаза, глаза, глаза... Бесконечное множество людских глаз, смотрящих на его душу, втиснутую в прямоугольники выставочных рам. Работы, которые были отсняты тут панорамно, по несколько штук в кадре, поразили его глубиной. Неужели он мог сделать это всё?! Что было нужно для того, чтобы это состоялось, – не струсить в нужный момент, не пропить жизнь? Не предать себя и того, кто дал ему этот дар - умение чувствовать и преломлять свет через себя, делая его светом человека по имени Проскурин?

Дыхание перехватило, и острая боль зажглась где-то под лопаткой. Он нашарил в кармане валидол и судорожно сунул под язык. Через минуту стало легче. Проскурин взял в руки последнюю кассету, под номером десять, без проставленной даты. Он уже знал наперед, что там будет: пресловутый пункт Б, финальная точка его путешествия.

Минут двадцать он сидел без движения, не решаясь ее проявлять. Он боялся, что смерть того, второго Проскурина, станет и его собственным концом. Вся эта мистика захватила его, затянула в свой омут, скрутив и перепутав две жизни, как непослушные ленты фотопленки. Он не хотел терять жалкие остатки своего мирка, которые ещё не успел растратить за эти годы. Сейчас Проскурин робел больше, чем много лет назад, когда не делал верные шаги и жизнь его катилась под горку по чужой неровной тропе.

Он положил кассету назад и выключил фотоувеличитель. В кухонных закромах откопал припасенную бутылку красного. Старый карманный штопор раскрошил пробку. Проскурин выругался и мизинцем протолкнул остатки внутрь. Потом сделал долгий жадный глоток, словно весь день плутал по пустыне без единой капли, снял с гвоздя куртку и вышел в ночь, даже не заперев за собой дверь.

До утра он бродил по бульварам, заливая в себя вино, то и дело присаживаясь на скамейки и впитывая тишину. Вся его небогатая событиями жизнь пролетела перед ним за эти несколько часов. Проскурин сравнивал её с той, которая лентами свисала с веревки в проявочной, и в голос хохотал, пугая редких прохожих. И плакал, и снова смеялся. Он разговаривал сам с собой, а может, и с тем вторым, заплетающимся языком объясняя ему смыслы своих поступков и признаваясь в малодушии. Груз, который давил на него все эти годы, медленно уходил, ему становилось все легче, как вчера, когда он начал вычищать свою замшелую каморку от накопленного хлама.

А под утро, растрепанный и улыбающийся чему-то, он вернулся домой и проявил последнюю кассету.

Там были его похороны. Траурная процессия, заплаканная Юлька. Дети, какие-то люди со скорбными печальными лицами. Он узнал Ваганьковское. Это было логично: там лежала вся родня и право на захоронение он имел, но на снимках могила почему-то находилась в другом конце. Ни страха, ни печали от всей этой чертовщины он больше не испытывал. Не было даже пустоты. Какая-то странная, неудержимая решимость теперь появилась в нем. Проскуринский лед, несомненно, тронулся. Он наскоро перекусил и поехал на Ваганьковское.

Могилу он отыскал не сразу, пришлось постараться. Но на пленке были видны приметные ориентиры, и через пару часов он уже стоял рядом с тем местом. Проскурин ожидал увидеть пустой заросший газон – на снимках могила была свежей, никаких иных захоронений до его похорон там явно не было. Но сейчас перед ним возвышался внушительный памятник с позолоченной гравировкой - старая, чужая могила. «Ну вот все и разрешилось, - с облегчением вздохнул Проскурин, - пленочной мистике конец!»

- Мишка?! Ты? – Послышался удивленный женский голос за его спиной.

Он обернулся. Невдалеке сияла своей обаятельной улыбкой его кареглазая, изменившаяся за годы, но все такая же красивая Юлька.

- Юля?.. – не веря своим глазам, проговорил Проскурин.

- Сто лет, сто зим! – засмеялась она. - Вот так встреча!

Она тепло и чуть дольше, чем того требовали заведенные условности, обняла растерявшегося Проскурина.

- Ну ты как жив-здоров? Рассказывай давай! – радостно затараторила она. За годы голос почти не изменился, по крайней мере Проскурин помнил его именно таким.

- Да вот жив, как видишь, копчу пока, – ответил он. - Ну а сама-то ты как? Муж, дети, семья?

- Да, двое у меня. Старший недавно внуком наградил, так что я теперь бабушка, привыкаю к новому статусу, - снова засмеялась она и через паузу добавила: - А муж у меня умер, Миш. Давно. Вот навестить пришла, могилу убрать.

- Прости, не знал, - сказал Проскурин, - я же после института совсем тебя из виду потерял.

- Да? – Она посмотрела на него. - А я вот за твоим творчеством следила.

- Да ладно. Правда? – удивился он.

- Ну а зачем мне врать? Даже однажды чуть было не пришла к тебе на открытие, какая-то общая выставка была тогда, сейчас не припомню.

- Да. Было когда-то, - Проскурин отвел глаза. - Знаешь, много воды с тех пор утекло. Я давно не выставляюсь, да и вообще... Хотя вот вчера снова захотелось вдруг. Пробудило меня тут кое-что.

- Ну и молодчина! Дерзай! Жду с нетерпением, товарищ мэтр! Уверена, сделаешь всех, - весело подмигнула Юля. Она всегда умела подбодрить его так, что Проскурина тянуло потом на свершения.

Юлька – для Проскурина она так и осталось той самой Юлькой - снова рассмеялась:

- Это надо же! Сто лет не виделись, и вот на тебе: на кладбище повстречались.

Романтика!

- Да-а! – протянул в ответ Проскурин и заметил, как она с улыбкой внимательно рассматривает его.

- Что, сильно жизнь потрепала? – смущенно хмыкнул он.

- Слушай, ну все мы не молодеем.

- Ну не знаю, по тебе такого не скажешь, – попытался сделать неловкий комплимент Проскурин.

- Да ладно уж! Особо не старайся, я про себя все и так прекрасно знаю.

- Слушай, - он посмотрел на нее, - что мы тут стоим? Пошли кофе поьем, я тут недалеко кафе видел.

Юля улыбнулась. Легкие морщинки собрались у глаз. Она не старалась выглядеть моложе, как многие женщины в ее возрасте, отчего Юлькина природная красота казалась еще более естественной.

Она потрепала его по голове и произнесла:

- Знаешь, а пошли.

Каждому человеку хочется верить, а лучше знать, что как бы ни скручивала его жизнь, в какие узлы ни вязал бы он сам себя, но в финале все обязательно закончится хорошо. Да и как может быть иначе? Ведь надежда, как известно, умирает последней.

Но у судьбы свои представления о пословицах и жизненной драматургии.

На самом деле в ту ночь Проскурин не отправился шататься пьяным по уснувшей Москве. Он не нашел в себе сил проявить десятую кассету и просто засветил ее. Поставив жирную точку в этой пленочной катавасии, он подготовил аппаратуру для утренней съемки, умиротворенный и успокоенный лег пораньше, чтобы выспаться, но так и не проснулся – может, сердце, а может, что-то еще.

Если будете на Ваганьковском – загляните обязательно. Могила находится на двадцать пятом участке, недалеко от входа. Высохший деревянный крест с датами. Фамилии почти не разобрать, но на фоне памятников сразу бросается в глаза, не ошибетесь. Загляните, не поленитесь - ему будет приятно. Каждому автору нужен зритель, поверьте.